

Рец. на: Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. 601 с.

А.М. Кузнецов

Значение критики приобретает особую важность, когда речь идет о работах по таким животрепещущим проблемам, как национализм. Ведь от того, как мы понимаем этот феномен, насколько ответственно подходим к его трактовке, зависят сохранение стабильности в ряде стран и судьбы многих конкретных людей. При обсуждении темы национализма в нашей стране долгое время было принято считать, что это – просто “реакционное буржуазное порождение”. К сожалению, оказалось, что такое порождение имеет более сложную природу, и оно получило различное воплощение в разных странах и регионах мира, в том числе и в России. Актуальность исследования поставленной проблемы стала еще более значимой в связи с началом “этнического возрождения”, вызвавшего к жизни новый, не менее грозный вызов этнонационализма. Не случайно в последнее время наблюдается увеличение количества публикаций по проблеме национализма/этнонационализма в нашей стране. Среди них можно отметить работы Л. Дробижевой, В. Малахова, А. Миллера, В. Шнирельмана и других авторов, а также специальные подборки материала в журналах (“Логос”, “Полис”, “Политическая наука” и др.). Показатель выхода нашего научного сообщества на новый уровень исследования проблемы – публикация коллективной монографии “Национализм в мировой истории”.

Фактически в отечественной науке данная публикация – одна из первых попыток столь широко представить рассматриваемый феномен в его многообразных проявлениях. Значение этой работы определяется также тем обстоятельством, что среди ее авторов – не только собственно “профессионалы по национализму”, но и специалисты-страноведы, которые хорошо представляют состояние практики националистических движений и вызванных ими общественно-политических дискуссий в конкретных государствах. Вместе с тем столь широкий спектр рассматриваемых

Анатолий Михайлович Кузнецов — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической антропологии Владивостокского института международных отношений АТР Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток). (Сокращенный вариант рецензии опубликован в журнале «Этнографическое обозрение», 2008, № 5).

вопросов делает нереальной попытку для одного исследователя проделать критический разбор всех материалов данной монографии. В силу объемности указанной задачи я ограничусь рассмотрением концептуальных оснований некоторых авторов и его редакторов, которые включили в издание наряду с оригинальными публикациями переводы уже изданных работ теоретического характера. В результате в монографии появилась вводная часть, которая представляет концептуальные аспекты рассматриваемой проблемы. Прodelать критический разбор именно этой части, на мой взгляд, важно потому, что исходные методологические посылки во многом определяют наше представление о сущности изучаемого явления. Кроме того, корректное сопоставление данных по отдельным странам, как показывает опыт такой дисциплины, как сравнительная политология, предполагает разработку теоретической модели подобных явлений, в данном случае – национализма /этнонационализма. Наконец, представление некоторых теоретических подходов к изучению проблемы было объявлено одной из целей данного издания.

Наибольший интерес для демонстрации и оценки ряда важных концептуальных оснований изучения проблемы, как мне кажется, представляет перевод лекции 2004 г. “Национализм и разум” Л. Гринфелд. Широкою известность она получила благодаря таким своим работам, как “Национализм: пять путей к современности” и “Дух капитализма”. Вероятно, свободный формат лекции позволил автору отразить некоторые тенденции в изучении национализма, не всегда приемлемые для “более солидных” жанров. Вполне очевидно, что лекция на чтениях, посвященных Э. Геллнеру, не является для Гринфелд сугубо формальным жестом: она действительно имеет отношение к той традиции анализа проблемы, которую представлял этот ученый. Ей также присуще стремление к исследованию проблемы сначала на макроуровне, безразличие к формальным границам отдельных дисциплин и стремление “к разрушению интеллектуальных ортодоксий, не имеющих под собой эмпирических оснований”. Отсюда понятно и ее обращение к историческому аспекту национализма, который рассматривается в общем контексте проблемы формирования наций. Мне кажется уместным особо отметить показанные в работе британские корни самого понятия нация и его последующие трансформации.

В российской литературе (а как показывает приведенный в данном издании доклад американского специалиста Р. Суни, не только у нас) более известен французский вариант возникновения данного концепта. Между тем, по утверждению Гринфелд, уже в XVI в. термин нация стал применяться в Англии не только для обозначения церковной элиты, но и всего населения страны. Казалось бы, этот формальный акт расширения значения термина имел, по мнению автора, был очень важен, так как он отразил изменение общественного сознания в связи с распространением в нем идей секуляризма, народного суверенитета и эгалитаризма. Появление идей подобного рода было связано с произошедшим символическим возвышением народа путем внедрения в него духа национализма. Именно эти перемены и были представлены как основа для последующих политических, социальных и экономических преобразований в Англии.

Но в отличие от Геллнера Гринфелд, как и многие другие современные специалисты, уже отказалась рассматривать историю и общество как продолжение биологической (здесь скорее следует понимать объективной) эволюции, полагая, что первая связана с культурной эволюцией, а последнее – с символической организацией (с. 106). В соответствии с подобной установкой она предлагает считать культурные и социальные факторы и объектами исследования, и одновременно инструментами их понимания. Ее позиция наглядно отражается в стремлении создать пиктограмму национализма. Очень показательным является и признание автора, что у студентов после прослушивания ее лекций складывается образ национализма в виде безоружных людей на фоне земного шара, иногда восклицающих: “О моя идентичность!” (с. 106).

Л. Гринфельд постаралась радикально преодолеть философско-материалистическую (структурно-социологическую) традицию в изучении феноменов нации и национализма. Для решения этой задачи автор отождествила национализм с современной культурой, а далее соотнесла его с определенным сознанием. Исходя из этих посылок, она делает основную ставку на способность человека как разумного существа к символическому изображению реальности, к которой затем был добавлен последний результат этого изображения – националистическая культура. В итоге проделанных операций и получилась новая единица анализа – символическое представление реальности националистического толка, которое порождает современную экономику, общество и государство путем ее отображения и конструирования. Затем, в соответствии с ведущей нормой дискурса либерализма, все полученные таким образом результаты автор перевела на уровень автономной личности. Здесь она обнаружила ряд противоречивых ситуаций, в частности возрастание значения аномии, для осмысления которых Гринфелд вернулась к послышке, согласно которой разум порождает культуру, но в то же время он и является культурой, оказавшейся в голове каждого индивида. Очевидно, этот тезис заставил ее более внимательно, по сравнению с другими обществоведами и культурологами, посмотреть: что же именно содержится в этой голове.

Со своей стороны, я очень признателен автору за ее попытку соотнести современную экономику, общество, государство и отдельного человека, которую она попыталась осуществить через использование категории разума, сопряженной с обеспечивающими ее определенными отделами и механизмами мозга. Тем самым она усилила значение антропологической составляющей в изучении рассматриваемых проблем. Кроме того, может быть, помимо своего желания она довела до логического завершения некоторые положения либералистского дискурса, делающего ставку на автономного индивида и его способности к воображаемому представлению реальности и свободной идентификации себя с ней.

Совершенный автором переход от культуры и общества к индивиду поставил перед ней резонный вопрос: а каким образом можно связать между собой столь разные уровни исследования проблемы? Найти ответ она и попыталась через использование концепта разум, трактуя его как “индивидуализированный культурный процесс

(культура, содержащаяся в голове)” (с. 114). В силу своей культурной обусловленности разум также был представлен в виде символических и ментальных процессов, в которые были включены в качестве составных компонентов идентичность, воля и символическое воображение. Руководствуясь стремлением дойти до исходных начал процессов культуры, Гринфелд приходит к выводу, что этой символической системе соответствует “неврологическая система в мозге, система особых механизмов и отделов мозга, поддерживающая процессы мышления” (с. 114). Но она специально оговаривает, что сама эта система не сводится к механизмам своего обеспечения. В соответствии со сложившейся исследовательской практикой Гринфелд должна была включить в свою лекцию категорию *идентичность*. По ее мнению, идентичность – это и индивидуальный микрокосм культуры, и символическое самоопределение, и главный ментальный процесс человека, замыкающиеся на деятельность мозга (с. 115). Что касается собственно символического воображения, то оно было определено как способность создавать новую информацию внутри мозга (с. 116).

К сожалению, взаимосвязь основополагающего для индивидуалистического уровня анализа концепта (идентичность) и особо значимой для Гринфелд категории (разум) остается не вполне понятной даже из общего контекста ее лекции. Отмеченный недостаток, вероятнее всего, не может быть поставлен в упрек автору, так как он отражает общее состояние разработки обоих угрожающе универсальных концептов. Поэтому основное значение работы исследовательницы можно связать с тем, что она показывает реальное противоречие между экономико-социально-культурным и индивидуалистическим уровнями различных проблем, в том числе и национализма.

В рамках либералистского дискурса это противоречие пытаются обходить при помощи идеи символического восприятия социально-культурных реалий, присущего индивиду, и повышенного внимания к его идентичностям. Однако подобная стратегия не снимает всех существующих вопросов, и нам необходимо обращать больше внимания на корректное их разрешение с учетом различных уровней изучения проблемы. Обращает также внимание, что, придавая большое значение проблеме символического отображения и разума, Гринфельд не использует концепт дискурса. Такое невнимание может означать, что она упускает очень важный момент, связанный с формированием определенных традиций и норм символического представления и конструирования реальности. Конечно, они содержатся в общем контексте культуры, которые учитывает автор, но если эти дискурсивные нормы и правила остаются имплицитными при изучении проблемы национализма, то подобное отношение ведет к серьезным погрешностям в интерпретациях.

Можно только приветствовать включение редакторами в данную монографию статьи американского политолога Р. Суни, посвященной проблеме имперского периода в истории России. Этот специалист известен, в частности, как соредатор и один из авторов коллективной монографии “Тосударство наций”, посвященной Советскому Союзу. Значение рассматриваемой работы для изучения проблемы национализма заключается, с одной стороны, в том, что империя, являясь антиподом национального

государства, позволяет тем не менее понять некоторые важные моменты нациестроительства, порождающего и идеологию национализма. С другой стороны, в ряде случаев именно имперские образования, разъедаемые язвой национализма, становились источником возникновения новых наций. Примечательно также, что, несмотря на все различия в избранных темах и подходах к их трактовке, в своих исходных концептуальных основаниях работы Суни и Гринфелд близки. Их сходство заключается не просто в применении общих единиц анализа, той же идентичности, но и в методологии определения самой категории империя, которая все чаще используется западными авторами для характеристики СССР и постсоветской России.

Столкнувшись, как и все, кто занимается анализом сложных концептов, с многообразием и противоречивостью определений империи, автор счел полезным для себя принять несколько исходных установок. В их числе отмечены: теории имперского выживания, упадка и распада, идеальные типы империи и нации и, наконец, формирование имперской идентичности (с. 37). Тем самым он, с одной стороны, попытался представить динамику развития и распада СССР, а с другой – понять структуру и эволюцию царской империи. Из работ своих предшественников (Дж. Армстронг, М. Дойл) он воспринял идею империи “как определенной формы господства и контроля, которая осуществляется в отношениях между двумя объектами, состоящими в иерархических и неравноправных взаимоотношениях” (с. 38). Такое определение предполагает использование понятий “метрополия” и “периферия”, резко отличающихся по своему положению в имперском государстве.

Основное отличие данной формы политической организации от национального государства автор видит в одинаковом отношении последнего к своим составным компонентам. Некоторая противоречивость подобной позиции в том, что ни в российской, ни в советской империях метрополия не была однородной ни в этническом, ни в каком-либо другом отношении. Состав господствующего дворянского сословия, а затем и партийной номенклатуры наглядно демонстрирует существовавшее положение (с. 39). Однако для Суни более важный признак в его оценке российской государственности – дистанцирование и отличие правителей от управляемых. Следуя за разработками М. Бессинджера, сделавшего акцент на субъективности и нормативности в определении империи, автор видит в отмеченных признаках часть идеологической легитимации господствующего класса. Кроме того, он признает важное различие между составными компонентами империи в разнице восприятия их представителями своих и чужих политик и практик (с. 40).

В отличие от Гринфелд, которая только фиксировала разные уровни проблемы национализма, Суни попытался представить динамику развития имперской организации и ее восприятия. Он показал, что вплоть до XX в. империя “воспринималась как высшая форма политического бытия”. Но затем приоритет в признании перешел к нации-государству, а империя стала рассматриваться как обреченная на распад переходная форма организации. Поэтому распад Советского Союза стал для западных авторов (М. Бессинджер и др.), с мнением которых солидарен и Р. Суни, главным

аргументом в пользу его имперского характера (с. 41). Подобная логика, заставляющая вспомнить известное изречение “горе побежденным”, выглядит слишком прямолинейной и упрощенной при решении серьезных проблем. Более интересным представляется приведенное в докладе замечание М. Гехтера о том, что по динамике процесса мы не можем судить о его характере, поэтому “определить, имеем ли мы дело с национальным государственным строительством или с созданием империи, можно только постфактум”. Основной критерий здесь – удалось ли центру создать единое пространство на всей территории страны и интегрировать в единую систему ее население или нет. Но если нация, которую Суни определяет как общность людей, способную помыслить себя таковой, возникает на основе общего с империей процесса, то нам важно понять условия, позволяющие империи блокировать нациестроительство.

Как полагает автор, сделать это можно, различая два основных вида имперских организаций: буржуазно-колониальные и территориально-протяженные. Первые за счет разделения политики по отношению к метрополии и периферии смогли обеспечить модернизацию, в то время как вторые оказались неспособны к этому. Для обоснования права на существование империям второго вида пришлось специально разработать парадигму развития (девелопментализм), чтобы представить себя как агента модернизации. Имперское же прошлое западных стран в последнее время было осмыслено в рамках “колониальных” и “постколониальных” исследований, представляющих для автора этот период как “операцию дискурса”, который адресован колониальным субъектам, включенным в определенную систему репрезентации. Основная цель подобных операций заключалась в “конструировании и воспроизведении категорий колонизированного и колонизатора” (с. 47). В метрополии подобное разделение поддерживалось при помощи концепта класс, в колониях – концепта раса. Как полагает Суни, к концу XIX в. империями оставались лишь те государства, которые не захотели или не смогли создать национальные государства. Однако в условиях сосуществования разных форм политической организации национализм, порожденный нацией-государством, превратился для империй в бомбу замедленного действия. Он не только подрывал идею девелопментализма, но распространился на уровень этнических общностей, которые могут представить, как показал Э. Смит, более основательные свидетельства естественности и древности существования наций (с. 48–49).

Все эти теоретические разработки затем были использованы для анализа Российской империи. В кратком виде позиция Р. Суни по данному вопросу может быть представлена следующим образом. Для российской власти важное значение имело ее чужеродное происхождение (норманны, Золотая Орда), которое не только обеспечивало превосходство над основной частью населения, но и позволило в XVIII–XIX вв. создать монархический миф о власти, несущей стране цивилизацию и прогресс. Судьба страны во многом была обусловлена состоянием государственной идентичности, которая начиная с XV в. складывалась путем консолидации религии,

церкви и, соответственно, единого Московского государства (примерно с XV в.), а также на границах – в борьбе с народами, которые представлялись отличными от русского. Однако в силу территориальной протяженности, противостояния со стороны идеи нации, неудачи с разработкой идентичности, не сводимой к религиозному (православному), имперскому, государственному или узкоэтническому сознанию, в России не удалось реализовать проект создания единой русской нации. В результате развитие страны стало во многом определяться политикой официального национализма (Б. Андерсон), предполагавшей бюрократическую централизацию и культурную русификацию. Однако и эти попытки были недостаточно эффективны из-за стремления добиться одновременно православной и общеславянской консолидации. Поэтому собственно национальный вопрос в России стал широко обсуждаться после революции 1905 г., что было уже несколько поздно. Как отметил Суни, империи удалось интегрировать центральную часть страны (внутренние губернии), но в силу компактного проживания этнических общностей и русской колонизации по всей территории Россия так и осталась к 1917 г. с идеей царя, а не нации.

Следовательно, отмечая как положительный момент стремление Р. Суни понять империю в ее структурном и динамическом выражениях, следует признать, что его основные методологические принципы также сводятся к способностям отдельной личности. В их числе можно отметить: восприятие, конструирование, воспроизводство, представление. Кроме того, он активно использует концепт идентичности в его имперском варианте, не раскрывая, впрочем, его значения. Поэтому он, наверное, не замечает некоторых противоречий, оказавшихся в его тексте. В частности, отмечая неудачу попытки официального национализма в России внедрить в массу идеи нации, он почему-то забывает, что и в первом выделенном им варианте империй можно отметить сосуществование идеологии национализма и империализма. В таком случае нам нужно искать и другие факторы, которые определили сохранение одних империй и быстрый распад других.

При всех своих специфических моментах работы Л. Гринфелд и Р. Суни в целом являются характерными представителями современного “западного” дискурса исследования социально-культурных проблем. Основные нормы этого дискурса в значительной степени (за исключением не самых влиятельных приверженцев коммуитаризма и республиканизма) основываются на принципе методологического индивидуализма. Данный принцип, в свою очередь, делает ставку на способность человека к символическому представлению окружающей действительности и на ее конструирование в соответствии с целями индивида и групп, с которыми он себя склонен идентифицировать.

Приведенные методологические положения не вызывали бы особого возражения, если бы при работе с явлениями, для анализа которых они предназначены, не возникало несколько разрывов, которым, как правило, не уделяется особого внимания в либералистском дискурсе. Первый разрыв, продемонстрированный у Гринфелд, можно свести к противоречиям между разными уровнями изучения проблем на-

ционализма: националистической культурой как идеологией складывающейся или сложившейся нации, националистическими представлениями отдельных групп в разных видах политической организации и взглядами составляющих их отдельных индивидов. Каждый из этих уровней предполагает свои концептуальные основания и практики при работе с ними.

Как показал Р. Суни, анализ структуры (точнее, организации) различных социально-культурных и политических явлений нуждается в корректировке после их представления с точки зрения динамики развития (и, можно добавить, функционирования). Иными словами, использование этих разных, но обязательных с точки зрения современной методологии подходов дает нам различное, но только частичное представление рассматриваемых явлений. Однако основной недостаток этого дискурса я вижу в стремлении свести всю реальность к ее символическому отображению (воображению). Понятно, что мы можем рассматривать такие явления, как нация, государство, национализм, лишь дискурсивными средствами. Несомненно также огромное влияние различных идеологов и мифологов на современную общественно-политическую реальность. Но в этом энтузиазме воображения многие авторы упускают из вида условия и общий контекст, при которых впервые возникли новые идеи, представления и т.д.

Это особенно непонятно в случае с Гринфелд, показавшей, например, при каких обстоятельствах изменилось отношение к антисемитизму и роли женщины в США. Бесспорно, что у идей и воображения есть своя собственная жизнь, которую следует изучать. Но при этом нельзя забывать, что есть реальные условия, при которых органично могут возникать образы, идеи, смыслы, а есть ситуации переноса всех этих символических отображений на совершенно другую реальность. Поэтому так сложно дать однозначное определение многим концептам, и нам надо бояться не столько национализма, сколько идеи нации, которую переносят туда, где для нее нет никаких оснований и где она становится сугубо воображаемой.

Кроме того, современный методологический уровень анализа сложных социально-культурных или политических проблем предполагает изучение разных ракурсов рассматриваемых явлений (структурного, динамического, организационного, функционального и т.д.) и затем дальнейшее их сопряжение на основе принципа дополнительности. Конечно, в небольшой по объему работе трудно проделать анализ всех возможных ракурсов той или другой проблемы. К сожалению, у нас пока мало примеров корректного приложения этих правил к исследованию национализма и в более объемных трудах.

После знакомства с состоянием методологии у зарубежных авторов посмотрим, как обстоят дела в нашем Отечестве, обратившись к “Введению” редакторов этой монографии В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана. Они также констатируют существующее многообразие определений национализма и подходов к его изучению, отмечая гражданско-территориальный и этногенеалогический, гегемонистский и периферийный, рациональный-либеральный и иррациональный-нелиберальный варианты

национализма. В приведенном перечне особо выделена классификация национализма П. Олтера, включающая тип рисорджименто модернизационный, признающий права личности; затем восточный реформистский и интегральный реакционный (Ш. Моррас), настаивающий на подчинении индивида идее нации. При этом еще констатируется, что разные виды национализма могут странным образом сосуществовать в одной и той же стране.

Знают редакторы монографии и о пессимистических призывах отказаться от каких-либо попыток сформулировать единую универсальную теорию национализма (Дж. Холл). При оценке существующих классификаций национализма российские авторы справедливо отмечают их сугубо статичный характер. Свое же предпочтение Тишков и Шнирельман отдают представлению нации, а следовательно и национализма как культурного проекта (М. Хатчинсон, М. Грох). Однако, будучи этнологами, они не могут рассматривать культуру в отрыве от этничности, для которой, по мнению авторов, особое значение имеют этнические маркеры. Поскольку эти маркеры отличаются многообразием и динамизмом, то и нацию данные специалисты рассматривают как “семанτικο-метафорическую категорию”, значение которой определяется смыслами, заложенными в нее в конкретных ситуациях.

Такой подход выглядит в их глазах более оправданным еще и потому, что традиционная культура, к которой обычно призывают националисты, уже давно стала лишь далеким от реальности образом. Состояние самой этничности справедливо связывается и с влиянием политического фактора, в том числе с практикой классификаций различных общностей. Основания принятых классификаций (расовое, языковое, религиозное, этническое) определяют (конструируют), по их мнению, направление разрывов в существующих сообществах. В сложившейся ситуации и исследование этничности превращается в установление образов культуры, которые складываются у ее представителей. Поэтому Тишков и Шнирельман принимают точку зрения, согласно которой национализм оперирует в своей риторике не реалиями, а образами, и необходимо изучать эти образы. Важное место в решении поставленной задачи они отвели символической антропологии, изучающей мышление людей.

Для понимания позиции редакторов монографии важно учитывать не только их отказ от создания общей модели национализма, но и неприятие представления о существовании единой национальной культуры. По их мнению, единство подобного рода может складываться только в головах людей, а в реальности мы сталкиваемся с воздействиями различных культур: общенациональных, этнических, региональных, локальных, профессиональных, гендерных, молодежных и других. Так что повседневная жизнь каждого человека сегодня характеризуется его участием в различных культурах. Современное состояние культур и этничности они также объясняют стабилизирующим влиянием факторов глобализации и регионализма. Это и есть тот контекст, который в свое время подвигнул В.А. Тишкова призвать к отказу от концепта нации. Не случайно и в определении национализма во “Введении” предпочтение отдано концепции зарубежных исследователей, которые определяют его как “полити-

ческую утопию и нереализуемый сценарий” (с. 13). В подтверждение своего выбора авторы проводят разделение категорий народ (территориальное сообщество людей) и нация (многокультурная полиэтническая общность). Значение этой операции заключается в том, чтобы показать истоки разных вариантов национализма: гражданского (общегосударственного) и этнического (этногенеалогического). Последний, как принято считать, актуализирован процессами глобализации, распада империй и влиянием политического тоталитаризма. По мнению авторов, в решении политических и международных вопросов приоритет следует безоговорочно отдавать первой из этих категорий, но не этносу как самобытной социально-культурной группе (с. 13–14).

Природа национализма трактуется в данной работе как двойственная: с одной стороны, это идеологическая доктрина, а с другой – обширная символическая субстанция. В качестве определенной идеологии национализм предполагает картину мира, составленную четко обозначенными неповторимыми нациями. Хотя наши авторы и готовы рассуждать о культуре национализма, они все же подчеркивают, что культура – это только образ, а реальность – люди, которые его принимают. Для националистической культуры они считают значимыми идеалы автономии, единства и идентичности (самосознания), конкретные символы и ритуалы.

В истории изучения национализма Тишков и Шнирельман вполне обоснованно выделяют два основных этапа. Первый (1970–1980-е годы) характеризуется рассмотрением данного явления в основном как политического проекта (М. Грох, Э. Геллер, Э. Хобсбаум, Л. Гринфелд и др.). Второй этап (с 1980-х годов) отличается преимущественно дискурсивным пониманием сути национализма (Б. Андерсон, Р. Брубейкер, Р. Суни). Как можно заметить, сами авторы по своим базовым положениям вполне сориентированы на дискурсивную трактовку данного явления. Отсюда их негативное отношение к любым попыткам придать нациям естественный характер и искать в этничности глубокие национальные корни (У. Коннор и Э. Смит). Авторы “Введения” полагают, что при работе с историческими свидетельствами мы имеем дело с ранними полиэтничными политическими и протополитическими образованиями, в которых бессмысленно искать истоки наций. Примечательно также, что, отмечая ограниченность западных концепций национализма, Тишков и Шнирельман видят в парадигме постколониальности только основание для продления жизни поиску этнических корней новых национализмов (с. 16). При этом они недоумевают, почему представления первого этапа все еще не отправлены в отставку. Основную причину такого “ненормального” положения эти авторы видят в политизации сложившейся ситуации, когда снова возникла необходимость в легитимизации борьбы за “национальное самоопределение”. Отсюда же они выводят и двойственность оценок событий в своей стране и за ее границами, которые были проиллюстрированы на примере высказываний о Чечне и движении американских индейцев.

Концепт национализма прочно связан для многих авторов с другим – нация-государство. Поэтому авторы “Введения” уделили внимание вопросу о роли государства в изучении национализма. Поскольку, по их мнению, моноэтнических государств

не было и нет, то и определение государство-нация имело смысл только по отношению к предыдущим политическим образованиям (с. 18). Ведь та же полиэтничная Россия обладает всеми необходимыми признаками суверенного национального государства (территория, гражданство, конституция, институты власти, законы, идеология, образование, символика, идентичность) многоэтнической российской нации. По этой причине авторы считают бесполезными дискуссии о времени и месте формирования наций-государств. Они признают лишь исторический процесс образования государств, которые с определенного момента начинают внедрять у себя идею единого народа или нации. Тишков и Шнирельман готовы признать дискурсивную природу национализма без наций, но не идеологию признания реальности коллективных тел, называемых нациями. Также негативно они оценивают тенденцию изучения процессов нациестроительства, видя в них лишь вопросы изучения дискурса по поводу нации, отражающего прежде всего усилия элит по утверждению общегражданской идентичности под объединяющим словом “нация” (с. 21). Преувеличенное значение проблематики национализма эти авторы связывают также с издержками организации научных исследований.

Обрисованная выше ситуация, как считают Тишков и Шнирельман, полностью соответствует оценке состояния изученности проблемы национализма как “концептуальной трясины”, которую в свое время высказал К. Гирц. Поэтому призыв “забыть о нации” остается в силе, а изучать надо “государства как государства, этничность как этничность, идентичность как идентичность” (с. 23). Следует отметить, что наши авторы уделяют большое внимание концепту идентичности, рассматривая его изучение как самостоятельную область исследований. При этом они готовы признать религиозную или цивилизационную идентичность, но, в отличие от многих зарубежных специалистов, категорически не принимают ее национальный вариант (с. 12). Такое отношение к последней категории явно обусловлено их базовой установкой, провозглашающей, что “национализм – идеологический концепт и основанная на нем политическая практика, которые базируются на том, что коллективные общности под названием нации являются естественной и легитимной основой организации государств, их хозяйственной, социальной и культурной жизни, и члены нации должны демонстрировать свою преданность, а государство и лидеры – ставить выше всего и отстаивать интересы нации” (с. 24). Поэтому очень часто такие идеология и практика являются значимыми лишь для элиты, но не получают широкого признания в массах.

Таким образом, в своих теоретических основаниях Тишков и Шнирельман сориентированы на дискурсивное понимание концептов нации и национализма. Тем самым они идут на полный разрыв с ранее сложившейся в нашей стране традицией исследования данных явлений. Однако такой категоричный шаг представляется мне не совсем правомерным. Я могу согласиться с этими авторами, когда они показывают высокую политическую обусловленность обсуждения проблем наций и национализма/этнонационализма. Я полностью солидарен с их призывом к ответственности уче-

ных за свои предложения, которые затем будут (если будут) использовать практики. Но остается непонятным, почему эти авторы, критикуя статичность существующих классификаций национализма, фактически не принимают идеи нациестроительства.

Конечно, подобный подход так или иначе связан с признанием реальности, стоящей за концептом нации, что является для них совершенно неприемлемым. Между тем только идея нациестроительства позволяет преодолеть статичное (синхронистское) представление как самой нации, так и связанного с ней национализма. Вызывает возражение и стремление Тишкова и Шнирельмана уйти от категории национальная культура на том основании, что мы наблюдаем сосуществование многих культур. Все дело в том, что сам концепт культуры неоднозначен и предполагает выделение различных уровней данного явления. Поэтому представленный авторами перечень обычно принято рассматривать как субкультурные горизонты, которые не могут противоречить признанию правомерности включающего их более высокого таксона – национальной культуры. Отмеченные и некоторые другие имплицитные противоречия в базовых представлениях данных специалистов, вероятнее всего, обусловлены их стремлением защитить ранее сформулированную позицию категорического неприятия нации. Поэтому, являясь приверженцами дискурсивного понимания характера основных социально-культурных явлений, они не могут принять такой важный его компонент, как национальную идентичность (с. 23). Это тем более странно, что в одной из своих статей В.А. Тишков приводит определение этой категории, что может означать фактическое ее принятие (с. 561).

Следовательно, приняв дискурсивное понимание нации, российские авторы усвоили в полной мере присущие ему достоинства и недостатки. Наряду с заимствованными погрешностями, среди которых можно выделить невнимание к разным уровням репрезентации данного явления и сведение его только к представлениям и конструированию, они еще предложили спорную картину культурного плюрализма и полное отрицание реальности существования наций (наций-государств). Но самый главный недостаток Тишкова и Шнирельмана, как и некоторых других российских авторов, на мой взгляд, заключается в том, что они переносят либеральный дискурс исследования национализма на российскую действительность без выявления причин и условий формирования норм и правил этого дискурса и того, насколько они соотносятся с нашими собственными условиями. Критика ряда важных положений либерализма, активно проводимая, например, в последнее время канадским политическим философом У. Кимликой, связана с проблемой признания значимости прав не только отдельной личности, но и национальных меньшинств и этнических групп. В этом отношении его идеи, при всей их либералистской подоснове, перекликаются с установками российского/советского дискурса, получившего выражение в разных вариантах теории этноса. Следовательно, для нас более актуальна задача не просто усвоения “западного” дискурса, но его соотнесения с нашими собственными разработками, выявления сильных сторон и недостатков каждой из научных традиций, а затем разработка новых норм и правил изучения национализма/этнонационализма.

Именно эта установка, сформулированная в частности в работах индийского ученого П. Чаттерджи, играет важную роль в “посколониалистском” дискурсе, к сожалению, мало известном российским специалистам.

Таким образом, Тишков и Шнирельман в основном справились со своей задачей представления основных методологических принципов и норм современных исследований проблемы национализма. В их “Введении” и отобранных ими работах других авторов получили достаточно полное отражение основные положения “мейнстрима” либералистского дискурса анализа сложных социально-культурных явлений, к числу которых относятся государство, нация и национализм. Прделанная ими работа имеет важное значение в связи с тем, что мы еще остаемся в состоянии не только “концептуальной”, но и сильно “заидеологизированной трясины”. Поэтому нам важно усвоить реальные достижения наших зарубежных коллег. Однако их базовые методологические положения должны получить критическую оценку, но уже не по политическим или другим паранаучным основаниям, а с позиций другого научного дискурса, приближенного к нашим российским реалиям. Если сравнить, например, основные методологические принципы теории С.М. Широкогорова (психоментальный комплекс, этнос-процесс, равновесие внутренних и внешних компонентов явлений) с нормами и правилами либералистского дискурса, то последний выглядит пока еще менее фундаментальным и оригинальным.